

Седой рапсод,
 Бродяга-инфлюэнсер,
 Я расскажу тебе историю свою,
 Я на ухо беззвучно напою
 Песнь песен,
 А ты потом пропой её другим,
 В пылу пирушки,
 И в пылу войнушки
 Рождённую, вмещённую в стихи
 Стихию,
 Будоражащую душу,
 Про затонувший город, город Лу,
 Луганстеров и чёрных флибустьеров,
 Про идолов, хранящих Дикий Луг,
 Ещё жрецов грядущей новой эры,
 Про то, как смерть поймала на блесну
 Меня, русалку из затерянного града,
 Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
 Туда, где морок, тишина, прохлада...
 Ещё про свет родных зелёных глаз,
 В них утонуть нисколько не страшно.
 И каждый раз – всегда последний раз,
 А остальное всё не важно.

Пропой, рапсод, истории мои!
 Кто посмеётся, может, кто заплачет.
 Жизнь ничего не значит без любви.
 Да и с любовью ничего не значит.

– Не пиши стихов.
 А пишешь – не публикуй.
 А публикуешь – не посвящай.
 Пообещай!

– Какое дело тебе до моих поэм?
 Ты будешь не узнан,
 Не назван.
 Мистер Никто. No name.

Никто не узнает, где мы
 Пересеклись с тобой.
 Пусть начнётся поэма,
 Таинственный мой герой.

Раньше наш город звался Луганжелесом,
 Прежде, чем затонул.
 Почитайте Хроники Марсия
 Про войну.

Раньше был Марсий луганстером,
 А теперь рапсод.
 – Марсий! Есть ли жизнь
 после Апокалипсиса?
 – Как кому повезёт.

Я вглядываюсь в линию горизонта
 Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.
 Наш город давно под водою.
 Город-легенда, миф.
 Кто же его придумал?
 Жив он или погиб?
 Скиф говорит, что пули
 Похожи на стайку рыб.
 Нет, говорит, нам покоя,
 Исчезнем мы без следа
 В пучине дикого моря,
 Которое было всегда.
 И тянется до горизонта,
 Плодит кочевые сны.
 И ходят ковыльные волны
 Под ветром степным.

– Ты знаешь, куда она смотрит
 Своими слепыми глазами?
 Вдаль? За линию горизонта?
 – Нет. Она наблюдает за нами!

Посмотри ей в лицо.
 Знай, безмолвие только приманка.
 Посмотри ей в лицо.
 В нём ни жалости нет, ни обмана.
 Посмотри ей в лицо.
 Спит подводная лодка кургана –
 Субмарина полная мертвецов.

И увидишь,
 Как скифская баба,
 Поля Дикого, Моря Великого
 Богородица камнеликая,
 Выбирает себе жрецов.

...Здесь, на плоскости маргиналий,
 Мы так долго друг другу с тобой не писали.
 Там, где адрес, – давно обозначен прочерк.
 Там, где имя... оно проступает на сердце
 лишь ночью
 Бездёжной тоской, несказанным
 предательским зовом.
 «Я приду за тобой даже в чёртов
 затерянный город.
 И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми
 лепрозорий.

Знаешь, боль проступает на теле узором.
 И любовь проступает на теле узором.
 Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
 Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка
 среди ночи.
 В многолюдном движении и в тишине
 одиночеств.
 Я направлю к тебе свой корабль блуждающий,
 пьяный, разбитый,
 Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
 И по звёздам сверяя свой курс
 в океане событий»...

Над головой,
 Будто чёрные вороны,
 Чёрные дроны летают,
 Чёртовы роботы,
 Новые вестники,
 Горя валькирии!
 Что вы несёте нам
 На электронном носителе?

– Разве не видите?
 Образы гибели!

Из рога единорога
 Хорошая выйдет пушка.
 Ею можно на мушку
 Любого
 Киборга или Дрона.
 А ещё лучше
 Дракона
 Стального.
 Ну же!
 Сразим летящую падлу!
 Падает.
 Прямо над нами.
 Звездопадом.

Зов Моря. Гул. Протяжный зуммер,
 Когда ракушку телефона
 Прикладываешь к уху,
 Ждёшь, что я откликнусь, вынырну
 Из мутного потока,
 На выученный номер отзовусь,
 Приду на голос твой,

Раба сердечной спайки.
Тверди мой позывной,
Лови свою русалку!
В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырьк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну.

10

Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут,
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал – ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.

11

Чёрное золото.
Прямо из жил земли.
Шахты ныне затоплены.
Шныряют пиратские корабли.
Чёрное золото
Прямо из самых недр,
Скиф протирает оптику,

Весь как натянутый нерв.

А я... я слагаю песни,
Заслушаешься, и вот
Тонкое лезвие поэзии
По сердцу полоснёт.

– Скиф, отпусти на поверхность
Окликнуть свою любовь!
– Плыви, но не пой своих песен,
Пусть узнает тебя без слов!

12

Дикое Поле. Великое Море.
Здесь всё затопили воды народного гнева.
И пьяные флибустьеры гоняют
на чёрных фрегатах,
Оставленных или отжатых,
Freedom Forever!
– Скажи его имя, русалка!
Скажи его имя!

Немо!

Да я бы тебя позвала,
Сквозь пространство и время,
Пронзительным воплем
Из самого сердца,
Но алая пена
Выходит из горла –
Моя немота,
Моё горькое рыбе наследство.

На палубе голой распластана,
Жабры трепещут.
Крючком рыболовным поддета –
На радость пиратам.
Штиль полный. И волны не плещут.
Безмолвствует небо.
Но если захочешь найти,
То иди по кровавому следу!

13

Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибор?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн....

...Елена...